

Гу Сяодун очень хотел разузнать, какая кошка пробежала между Гу Цзиньюем и Гу Пинханем, но тот лишь отмахнулся, назвав случившееся «мелким недоразумением». Так ничего и не поняв, Сяодун просто придвинул стул и устроился рядом, решив караулить его покой.

Цзиньюю, похоже, докучали эти расспросы, и он перевёл тему, спросив о том, чего Сяодун знать не мог:

— Ты ходил смотреть на частную школу, которую сейчас строят?

— Откуда мне? — вздохнул Сяодун. — Матушка-княгиня обмолвилась только, что в следующем году меня тоже отправят туда учиться. Сам ума не приложу, что к чему, вокруг одна путаница.

Сяодун пододвинул стул ещё ближе, почти вплотную.

— Цзиньюй, как же хорошо, что ты пришёл ко мне. С тобой я будто обрёл глаза, уши и крылья.

Даже израненный, Гу Цзиньюй держал осанку безупречно прямо. Услышав эти слова, он опустил взгляд на юношу и мягко улыбнулся.

У Сяодуна так и чесался язык выложить всё, что накопилось на книге души, но, взглядевшись в изнурённое лицо друга, он почувствовал укол совести.

— Ладно, не буду тебе докучать. Тебе нужно хорошенько отдохнуть, у тебя совсем измученный вид.

— Я не устал, и ты меня не утомляешь. Если тебе что-то понадобится, только скажи — я всегда помогу, — тихо, у самого уха Сяодуна, прошептал Цзиньюй. — Судьба связала нас навек, и я у тебя в неоплатном долгу. Пусть остальные не признают тебя — я признаю. Помогать тебе — мой пожизненный долг.

Одинокому, лишённому поддержки подростку так легко растрогаться — порой для душевного покоя хватает одного тёплого слова, а доверие куётся годами. Сяодун почувствовал, как к горлу подступает горько-сладкий ком.

— Ну что ты такое говоришь! Посмотрел бы на себя — краше в гроб кладут, чистый увядший цветок! О себе сначала позаботься. Спать хочешь? Или, может, проголодался?

—... Выражение «увядший цветок» употребляют совсем в других случаях.

Сяодун лишь сильнее засуетился, желая уложить его в постель. Схватив за рукав, он принялся настойчиво, но бережно утягивать друга на кровать:

— Да-да, конечно, куда уж мне до тебя, господин великий учёный! Вот поправишься, будешь помогать мне с книгами. Я тебя тогда так замучаю расспросами — язык на плечо вывалишь!

Уложив Цзиньюя, Сяодун устроился на корточках у изголовья и принялся мягко массировать ему виски. Этот нехитрый навык он перенял ещё в детстве, когда ухаживал за приёмным отцом. Тот всегда хвалил его за чуткие пальцы и умелые руки — даже в самые тяжёлые дни этот массаж приносил облегчение и помогал забыться глубоким сном.

Обычно невозмутимый Цзиньюй заметно растерялся:

— Сяодун, ты что творишь?

— Как что? Забочусь о тебе, — совершенно простодушно отозвался Сяодун. — Дай разомну как следует, синяки сойдут в мгновение ока. Пару дней — и снова станешь прекрасным, недостижимым снежным лотосом на вершине горы.

— Почему именно лотосом? — прищурился Цзиньюй, заподозрив скрытую насмешку.

— Ну, ощущение такое. Ты холодный и очень красивый, — Сяодун мягко перехватил его правую руку, не давая сопротивляться, и продолжил болтать без умолку: — Я ещё при первой встрече подумал: до чего же статный! Держишься так важно. Каким бы приветливым ни казался, всё равно веет от тебя неприступным холодом. А уж когда я выуживал тебя из пруда... Ты вынырнул прямо как лотос из речной глади — аж дух захватило.

Сяодун так соскучился по живому общению, что теперь его плотину прорвало. Слова лились из него безудержным, весёлым потоком.

Всё упрямство Цзиньюя растаяло под этот чистый, звонкий щебет. Он послушно лежал с открытыми глазами, безмолвно созерцая юношу и впитывая каждую его забавную выдумку.

Каждому человеку в воображении Сяодуна соответствовал какой-то образ. Управляющий Чжу Ми казался ему суровым железным стражем у ворот; Гэ Дунчень — липкой, тягучей, но безумно сладкой нугой; мастер клинка Гуань Юньцзи — напыщенным злым гусем; а старший молодой господин Су Минья — изысканным, берущим за душу живописным полотном...

Первые сравнения звучали по-детски забавно, но последнее больно резануло слух Цзиньюя.

— Это ещё почему он — полотно?

— Тебе-то что? Моё личное ощущение! Если сам любишь живопись, это ещё не значит, что мне нельзя сравнивать людей с картинами, — фыркнул Сяодун. — А ну закрой глаза, увядший цветик, я разомну тебе переносицу.

Цзиньюй нахмурился, но послушно прикрыл веки, не сдержав слабой улыбки:

— А можно мне обойтись без цветов? Сяодун, придумай что-нибудь другое.

— О! — Сяодун на мгновение задумался, и его глаза удивлённо округлились от внезапного озарения. — Тогда кем ты хочешь быть — величавой горой или дремучим лесом?

Цзиньюй распахнул глаза. Тёплые пальцы Сяодуна как раз скользили по его лбу, едва уловимо задев ресницы. Это мимолётное прикосновение отозвалось в глубине души Цзиньюя сокрушительным штормом, поднимая со дна дремавшие доселе бури.

Сяодун же, ни о чём не подозревая и ничуть не смущаясь, легко и просто обнажил сокровенную суть его души:

— Тебе ведь больше по душе лес, верно? Значит, отныне ты будешь лесом. Лес огромный, надёжный, от него веет таинственной свободой. И капелькой опасности. Каждое деревце тянется к солнцу, чтобы вырасти сильным, но когда они сплетаются кронами, листва смыкается так плотно, что лучам уже не пробиться сквозь чащу. В лесу можно спрятать очень многое.

На мгновение Цзиньюй оцепенел. Он подумал, что Сяодун, должно быть, судил по тем пейзажам, что видел в его кабинете, и без тени сомнений разгадал его потаённую страсть. Там, где другие слепли, этот мальчишка умудрялся зреть в самую суть.

Для него лес олицетворял свободу, недостижимую и далёкую, и одновременно — вечную, глухую тьму, укрывавшую его самые постыдные тайны. То было нечто глубоко личное, сокрытое от посторонних глаз. Он не понял, как этот глупый мальчишка ухитряется раз за разом ранить его в самое сердце, полагаясь лишь на мимолётное наитие. Страх быть разгаданным вызвал в груди Цзиньюя резкую вспышку смятения, которую он поспешил принять за обычное раздражение.

Пока Сяодун упоённо трещал без умолку, Цзиньюй вдруг решительно отстранил его руку и поднялся с постели. Поддерживая здоровую руку у груди, он направился к выходу.

— Я что-то не то сказал? Ты обиделся? Или вспомнил про важное дело? — Сяодун встревоженно хлопотал вокруг него, заглядывая в лицо и явно не желая отпускать.

«И где же твоя хваленая проницательность? — раздражённо подумал Цзиньюй. — Как можно не замечать, что я вне себя от гнева?» Однако, помня, что его игра рассчитана на долгий срок и торопиться нельзя, он заставил себя отвлечься от бушующих эмоций и опустил на стул, решив остаться.

Сяодун мгновенно просиял. Он тут же устроился рядышком и сочувственно заглянул другу в

глаза:

— Лесной хмырёныш, ты же весь изранен. Тебе что, правда завтра опять возвращаться во дворец?

Новое прозвище озадачило Цзиньюя, вызвав смесь досады и странного тепла. Смятение в его груди лишь усилилось.

— Придётся.

— Бедняга, — искренне пожалел его Сяодун. — У тебя левая рука — чистый сучок сломанный, на перевязи висит, а тебя всё равно гонят спину гнуть?

Цзиньюй глубоко вздохнул, ловя себя на том, что безропотно принимает дурацкое сравнение:

— Мой правый «сучок» цел и невредим. Чтобы быть компаньоном по учёбе, и одной руки хватит.

Болтая о всяких пустяках, Сяодун невзначай перевёл разговор на осенние экзамены Гу Пинханя. Цзиньюй прищурился, и на его губах промелькнула холодная, издевательская усмешка:

— Третий брат не провалится. Он просто расставил приоритеты иначе. Я лишь слегка подтолкнул его, но это привело его в бешенство. Глупец сам не понимает, почему так сильно разозлился.

Он перевёл взгляд на Сяодуна. Мальчишка оставался в полном неведении о том, что творилось за стенами поместья, и даже не подозревал, какая беда стряслась с его названным братом, о котором он так пёкся. Видя эту неосведомлённость, Цзиньюй ощутил ядовитый укол торжества.

— Сяодун, ты даже представить себе не можешь. Третий брат набросился на меня из-за слуги. Из-за безродного ничтожества он в миг растерял всё своё хвалёное благородство и выдержку, которую в нём взращивали годами. Мне-то всё равно, а вот отец пришёл в ярость. Столько лет лепить идеального наследника — и всё псу под хвост из-за пригоршни грязи, о которую он замарал свои безупречные руки... Я считал Пинханя неуязвимым, а он оказался на редкость слаб.

Сяодун сразу вычленил главное:

— Он разгневал отца? Его теперь накажут?

— Накажут, но в пределах разумного, чего ты так затрепетал? — тихо усмехнулся Цзиньюй. — Больше тебя ничего не интересует?

— Чует моё сердце, ты всё равно не расскажешь, — Сяодун в замешательстве почесал затылок. — Но ты, лесной хмырёныш, зубы-то не скаль. Кто знает, может, и ты когда-нибудь сорвёшься и устроишь разнос не хуже третьего брата. И почему у вас в семье всё так сложно? Мы с братом Дэнцином ладим куда проще.

Цзиньюй лишь тихо рассмеялся в ответ, а затем принялся подробно рассказывать о будущей школе, решив подготовить друга к тому, что его ждёт. Он с лёгкостью перечислял имена высокопоставленных учеников, наставников и малейшие тонкости учебной программы — казалось, от его взора не укрылась ни одна мелочь.

Сяодун слушал его разинув рот. Наконец он решился задать вопрос, который волновал его больше всего:

— Откуда тебе всё это известно? погоди... Так Су Минья тоже приедет? Он будет только учиться или поселится в нашем поместье?

— Его здесь не будет.

У Сяодуна тут же опустились плечи, и он уныло поник.

— Держись подальше от этого чахоточного полотна, — с каменным лицом обронил Цзиньюй, сам не заметив, как перенял прозвища Сяодуна. — И от этой приставучей нуги тоже держись стороной. А вот со злым гусем Гуанем можешь общаться, он парень надёжный.

— Угу, — бесцветно выдавил Сяодун, погружённый в свою печаль.

Он привык безоговорочно верить другу, а потому послушно проглотил эту ложь, убеждённый, что Су Минья никогда не появится в поместье Гу.

Однообразные, полные хлопот будни летели чередой. Спустя два месяца, в конце ноября, когда небо затянуло серой хмарью и пошёл первый робкий снег, обнародовали списки выдержавших осенние экзамены. Имя Гу Пинханя, разумеется, красовалось среди лучших, однако результат удивил многих. Вопреки всеобщим ожиданиям увидеть его во главе списка, наследный княжич сдал каллиграфию и словесность весьма посредственно, хотя в боевых искусствах показал блестящие результаты. В общем зачёте он оказался лишь в середине списка — до оглушительного триумфа его дяди Ань Чжэньвэня, который в своё время взял почётное звание третьего лауреата, Пинханю было далеко.

Вместе с тем подтвердились и мрачные предсказания Цзинъюя: конец ноября — годовщина гибели клана Ань — подкосил здоровье матушки-княгини. Госпожа Ань слегла в постель с тяжёлым недугом.

Сяодун извёлся от беспокойства. Лишь после долгих и слёзных уговоров слуга Фэньэнь наконец уступил и согласился отвести его в Западный сад процветания, чтобы проведать больную.

Снежинки, точно лёгкий пух, кружились в морозном воздухе. Сяодун так спешил, что покраснел на холодном ветру. Но стоило ему переступить порог личного дворика княгини и заметить под навесом статного молодого господина в роскошной шубе из белоснежного лисьего меха, как он замер на месте. Бледные от холода щёки юноши мгновенно вспыхнули багровым румянцем.

На сей раз Сяодун постарался сдержать свой обычный порывистый нрав, однако голос от волнения всё равно предательски дрогнул:

— Молодой господин Су!

Су Минья, заворожённо созерцавший падение снежных хлопьев, вздрогнул от неожиданности. Опустив взгляд, он увидел, как по заснеженной тропинке к нему спешит хрупкий юноша. Игнорируя мороз, этот светлый, дышащий здоровьем подросток взбежал к самому подножию крыльца. Он двигался так стремительно, что слуги с зонтами безнадёжно отстали, и плечи Сяодуна успело припорошить белой крупой.

— Молодой господин Су, — смущённо улыбнулся Сяодун, растеряв всю свою красноречивость.
— Вам не холодно? Почему вы не зайдёте в дом?

Сам Су Минья был укутан в тёплые одежды едва ли не втрое теплее гостя, так что спрашивать о холоде следовало скорее ему самому. Он сразу узнал этого чудного паренька, который при первой их встрече бесцеремонно сунул ему в руки цветок. Сейчас юноша держался скромнее, чинно замерев у ступеней, но снизу вверх его глаза казались ещё чище и лучистее.

— Ты ведь... тот самый молодой господин, кузен? — мягко спросил Су Минья, сделав вид, будто запомнил его имя.

— Да! Зовите меня просто Сяодун!

Су Минья мысленно повторил про себя это имя, после чего ласково улыбнулся:

— Мне не холодно. Я только что вышел из покоев княгини. Мы приехали навестить матушку-княгиню вместе со вторым зятем, и теперь нам пора возвращаться домой.

Сяодун разочарованно охнул. Заметив, что подросевшая служанка тянется к его рукаву, чтобы увести, он в два прыжка одолел ступени и оказался прямо перед Су Миньей, но бдительные слуги дома Су тут же преградили ему путь.

— Молодой господин Су, я... — Сяодун неловко замялся, чувствуя себя круглым дураком. — Я лишь хотел спросить... Вы правда не приедете учиться в поместье Гу в следующем году?

Су Минья приехал сегодня вместе с Ань Чжэньвэнем именно ради этого разговора, и решение уже было принято окончательно. Однако, повинаясь какому-то неясному душевному порыву, он негромко произнёс:

— Нет, я приеду.

Увидев, как лицо юноши уныло вытянулось, Су Минья невольно повёл пальцами под меховой муфтой и поспешно добавил:

— Обязательно приеду. Так что в будущем году потесню вас своим присутствием. Надеюсь на твою заботу.

Сяодун в то же мгновение расцвёл, его лицо озарилось такой лучезарной улыбкой, что, казалось, сам морозный зимний воздух вокруг стал немного теплее.

Взгляд Су Миньи потеплел.

Из дома донеслись шаги — Су Минья понял, что Ань Чжэньвэнь закончил визит и направляется к выходу.

— Мне пора. До встречи.

Су Минья уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг расслышал тихое, умиротворяющее бормотание за спиной:

— Ну погоди у меня, сучок сушёный, уши оборву за враньё... Ой, то есть... Прекрасный лотос... Нет, молодой господин Су! До встречи весной!

Су Минья лишь едва заметно кивнул и сошёл со ступеней, пряча довольную улыбку в воротнике шубы.

«До встречи весной».

До чего же славные слова.

<http://bllate.org/book/20609/2132754>